

М а т в я н а
Т Р О Н И Н А

---

*Д*ВОЕ НА МОСТУ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Художественное оформление серии *Елены Куликовой*

Редактор серии *Полина Корицкая*

Тренина, Татьяна Михайловна.

Т73 Двое на мосту : роман / Татьяна Тренина. — Москва : Эксмо, 2027. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248924-2

Она пришла сюда из будущего, чтобы обрести любовь и семью, спасти тех, кого потеряла. Но теперь на кону судьбы многих.

Накануне Олимпиады-80 Алене предстоит сделать последний выбор. Времени почти не осталось: враги не дремлют, тайны прошлого готовы уничтожить настоящее, а ставки слишком высоки, чтобы отступить. Сюжетные линии сплетаются в тугую узел. Хватит ли у Алены сил, чтобы уберечь тех, кто стал ей дорог, не сломавшись под тяжестью задачи? История расставит все по своим местам.

Ведь иногда, чтобы изменить рисунок судьбы целой страны, нужно просто остаться человеком и позволить своему сердцу биться не только за великие свершения, но и за личное счастье.

Четвертая, заключительная книга цикла «Новая юность», продолжение книги «Время, прости!».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248924-2

© Тренина Т., 2027
© Оформление. 000 «Издательство «Эксмо», 2027

Я вышла из метро «Арбатская», а затем свернула на Бульварное кольцо. Ветер дул еще холодный, напоминая о недавней зиме. Но когда из-за облаков выглянуло апрельское солнце, то словно теплая ладонь ласково провела по моим волосам.

На бульварах было довольно пусто в этот час, город замер в зыбкой тишине буднего дня.

У недавно построенного здания ТАСС на растяжках висел огромный плакат: над олимпийскими кольцами изобразили стилизованное здание в виде Кремлевской башни — параллельные линии в форме пирамиды, которую венчала пятиконечная звезда. Линии напоминали беговые дорожки, а рядом красовался олимпийский мишка, внизу надпись — «МОСКВА 1980».

На противоположной стороне улицы висел еще один плакат, напоминая о главном событии предстоящего лета.

Купив в киоске мороженое, я по Тверскому бульвару направилась в сторону улицы Горького.

...У пломбира был сливочный, отчетливо шоколадный вкус и плотная, нежная текстура. В это время еще не было принято наполнять мороженое орешками, печеньем, джемом, воздушным рисом, кусочками ягод... Словом, в ку-

пленном мной сейчас лакомстве отсутствовали добавки, которыми его «украсят» в будущем. Теперь они виделись мне излишеством, которое портило натуральный вкус продукта. К тому же за эту навязанную, дополнительную «красоту» и «разнообразие» покупатель должен был еще и доплачивать — маркетинговый ход, что поделать.

Я почувствовала, что невольно жмуюсь от удовольствия. Наконец-то настоящая весна! Снег растаял, можно ходить без шапки и есть мороженое на улице. Я была частью этого мира — молодая, красивая, двадцатилетняя. Просто шла по апрельской Москве и ела мороженое. И этого было более чем достаточно для счастья.

Я словно растворялась в прозрачном воздухе. Рядом в окутанных зеленой дымкой кустах, где еще только набухали почки сирени, деловито и весело шумели воробьи. На газонах только-только начала пробиваться первая ярко-зеленая, еще не успевшая покрыться городской пылью трава.

Пахло весенней сыростью, землей и краской — неподалеку рабочие дружно обновляли ограду вдоль бульвара.

Оказавшись на середине бульвара, я заметила, что навстречу мне лениво бредет старая цыганка в длинной цветастой юбке и короткой шубе с проплешинами. Ее лицо, темное и изрезанное глубокими морщинами, напоминало маску. В руке цыганка сжимала короткую фарфоровую трубку. Старуха смотрела прямо на меня. Я подошла к газетному стенду и сделала вид, что читаю. Она настырно встала рядом.

— Ай, молодая, красивая, позолоти ручку... — Голос у нее был сиплым, надтреснутым. — Дай погадаю, судьбу твою расскажу.

— Спасибо, не надо, — отрезала я.

— Да ты не отказывайся, я тебя не обману. Что было, что будет, дорогу тебе укажу. Вижу, мысли твои далеко отсюда... дай ладонь, слышь?

«Врет ведь», — без тени сомнения подумала я. Я никогда не верила гадалкам, ни разу в жизни к ним не обращалась. Но ощущение счастья внутри меня начало постепенно сменяться отчаянием.

Но... а вдруг? Вдруг эта странная старуха увидит в линиях на моей ладони то самое, чего я всеми силами жажду? Я почти инстинктивно, еще не отдавая себе отчета в своих действиях, полезла в карман за кошельком.

— Скажи мне, сбудется ли то, о чем я мечтаю? — Я протянула ей раскрытую ладонь другой руки.

Я позволила цыганке погадать мне не из веры в чудеса, а просто из отчаянного желания увидеть хоть какой-то знак судьбы.

Ее пальцы в золотых кольцах скользнули по моей ладони. Чего я ждала? Наверное, обычной чепухи о долгой дороге и казенном доме. Но вместо этого гадалка замерла, напряженно уставившись на мою ладонь.

— Странная у тебя рука, красавица... — Она вдруг поджала губы, нахмурилась. — На ней две линии жизни.

Я вздрогнула, хотела вырвать руку, но чужие пальцы впились в мое запястье.

— Да погоди... Не бывает такого. У тебя прошлое старухи и будущее молодухи! — Цыганка уставилась куда-то в пространство за моей кистью, ее зрачки расширились, глаза стали абсолютно черными, голос изменился, стал глуше. Она как будто впала в транс и медитировала. — В далеком прошлом я вижу возле тебя пустую

колыбель. Да, это твое горе. Но оно старое. Было у тебя, а потом опять пришло к тебе. Это новое горе. Ты два раза теряла нерожденное дитя — из-за чьей-то злобы! Но между этими потерями — долгие годы... Слишком долгие для одной жизни, чтобы такое стало возможным.

Горло у меня перехватил спазм, сердце забилося.

— Это было, все понятно, но что там впереди? — с трудом выговорила я. — Ты видишь еще колыбель?

И тут старуха снова взглянула как будто сквозь меня. А потом отшатнулась.

— Кто ты? — Она вдруг задышала часто-часто.

— Человек... — пожала я плечами.

— Нет! Ты не человек! Ты не отсюда! — закричала она хриплым, каркающим голосом. — Там, откуда ты пришла, у тебя была другая судьба! А здесь... — Цыганка снова посмотрела сквозь меня, и по ее лицу пробежала судорога. — Здесь у тебя другая жизнь. И эти две жизни схватились в борьбе, аж искры летят! Я не знаю, чья возьмет. Но такого не может быть!

Ее лицо искажал уже не просто страх, а животный ужас.

— А вот бывает, — мрачно усмехнулась я. И протянула ей десятирублевую купюру — большая сумма для этого времени. Настойчиво попросила: — Возьми, я тебе верю. Только скажи мне про будущее. Ты ведь поняла, что именно я хочу узнать.

Но гадалка даже не отреагировала на предложение денег. Она пристальнее вгляделась в мое лицо. Фарфоровая трубка выпала из ее пальцев и с глухим стуком ударилась о землю, не разбившись.

— Я такого отроду не встречала... Что ты со временем натворила? Люди такого не умеют! — Старуха,

спотыкаясь и путаясь в длинном подоле юбки, отбежала на несколько шагов, обернулась и выкрикнула уже издали, словно заклинание: — Сгинь, изыди, сгни дотла в пламени!

Она забормотала еще что-то невнятное на своем языке, осеняя воздух перед собой крестом. Потом резко развернулась и почти побежала, иногда оглядываясь — словно хотела убедиться в том, что я ей не привиделась. Скоро пестрое пятно растворилась в прозрачной дымке молодой листвы.

Я стояла, застыв, с купюрой в руке. Что гадалка увидела? Что могло так напугать выдавшую виды старуху, что она отказалась брать червонец и даже бросила свою трубку?

Похоже, у этой женщины определенно имелись паранормальные способности. Она увидела правду обо мне.

А правда была одновременно проста и невероятна. Год назад я прибыла сюда из будущего. Из 2025 года. Там мне было шестьдесят три года.

Сюда меня отправил в экспериментальной капсуле времени мой бывший одноклассник Николай, чтобы спасти своего старшего брата Артура от смерти.

Я в далекой юности была безответно влюблена в Артура. Николай узнал об этом и предложил мне спасти Артура от нечаянной гибели. А мне... мне и правда было уже нечего и некого терять.

Так странно — оказаться молодой и красивой в своем же прошлом, в жизни, которую уже проживала, чтобы попытаться все начать заново и переписать судьбы. Изменить будущее.

Теперь я — Алена Дельмас (ударение на последнем слоге, это французская фамилия), на сегодняшний день

мне уже двадцать лет. Я живу у своего мужа — Артура Дельмаса. Вместе с его родителями. Артура двадцать пять, он талантливый ученый, и мне действительно удалось отвести от него беду. Здесь у меня есть бабушка, пусть и не родная (я ее называю Бабаней), она живет в том же доме, в котором и я когда-то жила. В соседнем подъезде обитает моя мама и... я. Лена-прошлая, так я мысленно «окрестила» своего двойника. Но они даже не догадываются, насколько связаны наши судьбы.

Мне удалось захватить с собой в прошлое несколько «умных» устройств из двадцать первого века.

Я успешно поступила в Литературный институт.

Изначально я не собиралась никого обманывать, пользуясь технологиями, взятыми из будущего, я просто хотела незаметно влиться в здешнюю жизнь, занимаясь чем-то привычным и любимым (в прошлом я работала в библиотеке, будучи при этом еще и страстной читательницей). В новой жизни — не трудиться было нельзя. К тому же я все еще чувствовала груз прежних лет, невозможно же сразу забыть о том, что отпахала до пенсии, а потом бац — опять впрягайся по второму кругу в ту же пахоту.

Отчего не стать студенткой и не погрузиться в историю литературы, которую я прекрасно знала... Вот как я рассуждала в 2025 году, собираясь отправиться в прошлое и продумывая для себя сценарий новой жизни.

Но мою повесть, написанную с помощью искусственного интеллекта по мотивам популярных в конце семидесятых — начале восьмидесятых сюжетов («Вам и не снилось», «В моей смерти прошу винить Клаву К.» и других) — взяли да и опубликовали в журнале

«Юность». А потом ее экранизировали, в марте на большие экраны вышел фильм, и я стала знаменита.

Нет, не настолько, чтобы меня узнавали на каждом углу, но имя мое многие уже запомнили.

Но я же не собиралась становиться известной! Все эти действия — и публикацию, и экранизацию — повернули буквально за моей спиной, против моей воли, и заплатили мне столько, что я была шокирована. Ведь таких денег я не заслужила.

И тогда, не желая больше обманывать окружающих, я попробовала писать сама. Так было честнее, и совесть мучила бы меньше. Но получилось еще хуже, вернее лучше (это как посмотреть). Моя очередная работа всем понравилась, и ее опять опубликовали...

Но главное — ее тоже захотели выпустить на экраны! Правда, на этот раз экранизацией решил заняться другой режиссер, Диковский, и как раз сейчас шли съемки в Подмосковье.

Да, вторую повесть написала я сама, но слава все равно казалась мне незаслуженной, и самое страшное — я не хотела такого внимания к своей персоне. Вдруг меня разоблачат?

Пока о том, что я прибыла сюда из будущего, знал во всех подробностях только мой муж, Артур.

Но скоро о моей тайне случайно услышали две девушки-недоброжелательницы, Нина и Валерия. И вот эти двое могли запросто испортить мне жизнь... Хотя куда уж больше: из-за Валерии у меня случился выкидыш в этом самом времени. А новая беременность все не наступала, хотя мы с Артуром так мечтали о ребенке.

Зачем я позволила гадалке удрать, надо было вцепиться в нее и вытрясти всю правду о своем будущем!

Я уже хотела бежать следом, но потом опомнилась. Огляделась.

День был рабочим, и на скамейках, прогретых солнцем, этим будним утром расположились группами и поодиночке в основном пожилые люди. Некоторые играли в шахматы. У газетных стендов стояла пара немолодых мужчин, они взволнованно обсуждали статью в «Литературной газете».

Картина была самой мирной, но куда исчезло ощущение счастья, в котором я буквально купалась только что?

Я направилась к Литературному институту, в котором училась.

...Тверской бульвар, 25. Тревога, вызванная разговором со старой цыганкой, не покинула меня даже в стенах альма-матер.

Я шла по коридору, а перед мысленным взором все еще мельтешил образ убегающей цыганки и белела на земле фарфоровая трубка.

— Алена... Как раз тебя ищу! — Из-за двери показалось оживленное лицо Ольги Алексеевны, секретаря деканата. — Зайди, пожалуйста.

Я вошла в маленькую, заставленную от пола до потолка папками и журналами комнату.

— Дело серьезное. — Ольга Алексеевна порылась в ящике стола и наконец извлекла машинописный лист, протянула его мне. — Вот, направление... Тебя официально командируют в Подмосковье, в санаторий «Заря». Завтра за тобой заедет машина.

Внизу документ украшал фиолетовый оттиск печати и стояла размашистая подпись ректора.

— Зачем? — растерянно спросила я.

— Как мне объяснили, съемки фильма по твоей повести под угрозой срыва, — пояснила секретарша. — Худсовет не принимает материал. Режиссер, Диковский, в ярости, а сценарист в растерянности. Решили обратиться к источнику — к тебе. Ты же автор, вдруг чего придумаешь...

— Когда ехать? Завтра? А как же занятия, семинары в институте... — неуверенно произнесла я.

— Все улажено, не беспокойся, — заверила Ольга Алексеевна. — Преподаватели уже предупреждены, с ректором все согласовано лично. Это очень важно для нашего кинопроизводства. — Она торжественно посмотрела на меня. — Как я поняла, работу тебе оплатят. Жилье предоставят на месте, питание трехразовое тоже гарантируют. И сегодня можешь на лекциях не присутствовать, поезжай домой, собирайся. Тебе повезло — место хорошее, сосновый воздух.

— Да я уже была там как-то, в этой «Заре», — тихо сказала я, забирая направление. — Все понятно. Надо так надо... А надолго меня туда отправляют?

— Понятия не имею! — развела руками Ольга Алексеевна. — Неделя, две... Как работу сдашь, тогда, глядишь, и вернешься.

Итак, меня ждет отъезд на неопределенный срок... Разлука с домом. И с Артуром, значит...

Я вышла из секретариата, притворив за собой дверь. В голове снова всплыл образ цыганки, ее расширенные от ужаса глаза. Что она разглядела в линиях на моей ладони? Смогла ли старуха заглянуть в грядущее? В то самое будущее, которое я пытаюсь здесь построить?

Я медленно побрела по коридору к выходу.

Со всех сторон из приоткрытых дверей аудиторий до меня доносился студенческий смех, гул разговоров. Скоро начнутся лекции — обычный, расписанный по часам учебный день. Счастливые люди — эти студенты! Им не нужно ничего скрывать, не приходится тайно наблюдать за кем-то, никого не надо опасаться... Эти ребята даже не догадываются, каким станет этот мир через каких-то десять лет.

Или уже не станет, учитывая те шаги, что мы предприняли с Артуром в попытке изменить ход истории?

* * *

Выйдя из метро, я напрямик отправилась в магазин «Океан» — купить на ужин трески. Это был мой любимый магазин, хотя не все домашние разделяли мои пристрастия. Домработница Дельмасов, Раиса, каждый раз с тоской смотрела на мои покупки и ворчала: «Ну что мы, кошки какие, так часто эту рыбу есть будем?»

Дело в том, что в конце семидесятых рыбу в целом не любили. От нее, конечно, не отказывались, но предпочтение отдавали деликатесным породам вроде осетровых или лососевых, ну и малосольной селедочке. Шпроты в виде консервов — обожали. А вот большинство обитателей морей и рек у населения энтузиазма не вызывали. Для многих треска или хек были скорее гастрономической повинностью, чем лакомством.

Удивительно, но добывали рыбы много, и стоила она дешево. Консервы «Килька в томате» из-за копеечной цены считались едва ли не символом бедности. Печень трески в баночках тоже была доступной. Очередей за

минтаем, хеком или мойвой не стояло — все это продавалось в избытке.

Но даже при таком разнообразии ассортимента рыба все равно не пользовалась любовью. Дети в садиках морщились от ледяной, а мужчины ворчали, что «рыбой не наешься» — продукт уж слишком диетический. Морскую капусту и кальмаров многие вообще за еду не считали. Экзотические названия вроде «простипома» вызывали усмешку: «Хорошую рыбу простипомой не назовут!» Нототения и макрурус тоже воспринимались без восторга.

А хек? Его считали второсортным товаром. В столовых висели плакаты в его защиту: «Не всякий знает человек, как вкусен серебристый хек». Или: «Рыба — дополнительный источник белка, цинка и йода».

Причины неприязни были просты: рыба быстро приедалась, готовить ее было хлопотно — чистить, потрошить, а кости в ней раздражали и пугали.

Да, за деликатесами вроде копченой семги или икры выстаивались очереди. Но мысль есть рыбу каждый день, как я, казалась большинству странной и даже сомнительной.

Чтобы изменить ситуацию, государство в начале 1970-х годов запустило очередную масштабную пропагандистскую кампанию: от телепередач до внедрения обязательного «рыбного дня» (обычно четверга) в столовых. А параллельно решили изменить сам подход к продаже. Так родилась сеть фирменных магазинов «Океан» по всей стране. За первые годы открыли больше сотни точек, оснащенных передовым оборудованием.

Особый ажиотаж вызывали у посетителей аквариумы с живой рыбой. Не меньше удивляли публику

и огромные холодильники-витрины, где предлагали уже готовое филе и стейки, которые не надо было разделять, — неслыханное удобство! Многие, впрочем, считали, что государство, навязывая населению морепродукты вместо мяса, просто экономит. Ведь рыба и правда была куда дешевле.

Мне, попавшей сюда из будущего, такое положение дел казалось просто невероятным. В моем времени врачи всего мира наперебой расхваливали средиземноморскую диету и рекомендовали есть морепродукты как можно чаще. Но стоила рыба в двадцать первом веке непомерно дорого, и я покупала филе минтая только по акции, воспринимая это как большую удачу. (Да и мясо стало почти предметом роскоши: говядина была мне не по карману, изредка я позволяла себе свинину, а в основном питалась курицей и чуть реже — индейкой.)

И вот теперь я наконец-то дорвалась до трески — которая, кстати, тоже считалась здесь весьма простой, дешевой рыбой. Попадая в «Океан», я с наслаждением вдыхала специфический морской запах, царивший в зале, и чувствовала себя настоящей богачкой, разглядывая серебристые тушки морских и речных обитателей. Это было мое личное завоевание: живя в прошлом, я могла позволить себе то, что в «продвинутом» двадцать первом веке оказалось для меня уже недоступным.

...Я толкнула тяжелые стеклянные двери и вошла в «Океан». Сразу возникло стойкое ощущение, будто я попала в супермаркет из своего будущего. Просторный зал сиял под лампами дневного света. Открытые стеллажи и низкие холодильные лари позволяли подойти, рассмотреть и выбрать все самостоятельно.

Передо мной разворачивалось настоящее изобилие: аккуратные горки стейков палтуса и филе хека, лоснящиеся тушки копченой скумбрии и ставриды, целые батареи консервов. Дальше шли дары моря: кальмары, осьминоги, вареные креветки в картонных коробочках. Я любила пасту «Океан» из антарктического криля. Эта розовая белковая масса со сладковато-креветочным вкусом продавалась замороженными брикетами и шла на закуски, паштеты и салаты. Бабаня обжаривала такую пасту с луком и морковью — получалось очень вкусно.

Отдел кулинарии манил готовыми деликатесами: заливное из осетрины в прозрачных лотках, селедочное и икорное масло, вязига для пирогов, салаты. Особенным шиком считались бутерброды с копченой севрюгой, разложенные на больших блюдах.

Отдельное место в моем личном рейтинге занимала икра минтая. Стоила она недорого, и я обожала бутерброды со сливочным маслом и этой икрой. Она казалась мне настоящим деликатесом — как в прошлой жизни, так и в нынешней.

В «Океане» можно было найти и экзотические продукты. Помимо кальмаров, попадались плавники акулы, а в коробках с креветками счастливчики иногда обнаруживали засушенную морскую звезду — маленький трофей из океанских глубин. Отдельно выставлялось китовое мясо — огромные замороженные брикеты и консервы. Оно стоило копейки, но отношение к нему было неоднозначным: одни находили его вкусным, другие морщились от стойкого привкуса рыбьего жира. Это было время, когда охоту на китов еще не запретили, и присутствие такого продукта на прилавке служило своего рода символом эпохи.